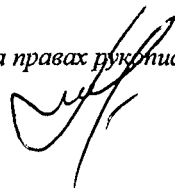

На правах рукописи

ФЕДОРОВ Валерий Валерьевич

**Теоретические аспекты изучения
электорального поведения россиян
в период формирования
современной российской государственности**

Специальность: 23.00.01 – теория политики, история
и методология политической науки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

003463146

Москва, 2009

Диссертационная работа выполнена на Кафедре философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор **Расторгуев Валерий
Николаевич**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Поляков Леонид Владимирович

кандидат политических наук, доцент
Бадковский Дмитрий Владимирович

Ведущая организация: Институт социально-политических
исследований Российской академии
наук

Защита состоится 18 марта 2009 г. в 15:00 часов на заседании Диссертационного совета Д.501.002.14 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, кор.4, философский факультет, ауд. А-518

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Отдела диссертаций Фундаментальной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8 этаж, к. 812.

Ученый секретарь
диссертационного совета
Д.501.002.14
кандидат философских наук,
доцент

Сытин А.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Качественные изменения электорального поведения граждан России в период формирования новой государственности во многом обусловлены сцеплением и наложением разнонаправленных внутри- и внешнеполитических факторов, что существенно повышает актуальность теоретико-политологического осмысления этого процесса. Кроме того, от теоретической «оснастки» политической аналитики электорального поведения во многом зависит эффективность формирования многопартийной системы и минимизация политических рисков в условиях нарастающей стратегической нестабильности и наступающего глобального кризиса – финансового, экономического и цивилизационного.

Научная и практическая значимость проблемы наиболее полно открывается, когда объектом исследования становится социокультурный, историко-политический и геостратегический контекст происходящих изменений. После распада Советского Союза и начала широкомасштабных реформ процесс трансформации структуры российского общества протекал быстро, болезненно и хаотично, но в строго «заданном» направлении, что позволило А.С.Панарину определить его как «загадочную встречу спонтанного хаоса, связанного с ослаблением прежних цивилизованных синтезов, со стратегическим заказчиком на управляемый хаос».¹ В результате этой «встречи» качественно изменялись не только образ России в глазах мирового сообщества, но и ее самопредставление – формы гражданской и социальной самоидентификации, устоявшиеся модели электорального поведения.

В глобальном масштабе эти инверсии привели к крушению сложившейся после окончания Второй мировой войны биполярной геополитической системы и сокращению объема международных обязательств России. Все это не могло не отразиться на тоне общественного мнения и избирательных предпочтениях в самой России: сужение возможностей развития и тупиковый характер предлагаемых властными элитами альтернатив превращали избирательный процесс в «выбор меньшего зла». При этом следует

---

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М., 2003. С. 49 Среди наиболее значимых работ по этой проблеме следует также отметить: Рамоне И. Геополитика хаоса. М., 2001; Неклесса А.И. Управляемый хаос // Рабочие материалы комиссии по социокультурным проблемам глобализации РАН. М.: РАН, 2003.

учитывать этический и аксиологический аспекты проблемы: в результате таких выборов «меньшее зло становится большим злом, ибо оно добровольно избрано».² Положение усугублялось по мере того, как Россия перемещалась из узкого круга мировых финансовых, ресурсных и силовых доноров в число крупнейших реципиентов-получателей помощи от государств Запада, утрачивая свои позиции в мировом разделении труда. При этом внутри страны динамично формировались новые социальные страты на фоне углубления социального расслоения и диспропорций между регионами, деструктивных изменений в социально-профессиональной структуре общества.

К середине 2000-х годов процессы социального «брожения» в России в целом завершились, что актуализировало прогностический аспект теоретического исследования электорального поведения. По мере того, как стабилизировалась и обретала определенную политико-правовую цельность социальная структура, на повестку дня вставали совершенно новые проблемы, требующие соединения теоретико-методологического и праксиологического подходов. Среди этих проблем особую актуальность приобрели недостаточная вертикальная мобильность, излишняя жесткость и консервативность сформировавшихся страт. Процесс расширения «среднего класса» замедлился во многом из-за того, что шансов перейти из одной страты в другую у россиян стало существенно меньше по сравнению с 1990-ми годами.

Процессы социальной трансформации теснейшим образом связаны с политическими процессами в стране и, в частности, с электоральным поведением российских граждан. Радикальные экономические реформы в рекордные сроки «обвалили» прежнюю социальную структуру общества и создали социальную базу для формирования новых общественно-политических движений и партий самого разного толка. Обилие партий в России 1990-х годов было не случайным явлением. Перемены в социальной структуре общества сопровождались поочередным усилением одних культурных архетипов и ослаблением других. В этом смысле история сделала круг: уйдя в 1990-е годы от советской культурно-политической модели, которая в своих базовых архетипических чертах унаследовала некоторые характерные особенности Российской империи, страна прошла через период анархической вольницы, а затем, в 2000-х годах, вновь вернулась к державнической политико-культурной модели.

---

² Расторгуев В.Н. Национальная и политическая идентичность: полномочия власти и власть народа // Трибуна русской мысли. М., 2007. №8.

Следствием смены культурных кодов стали изменения в поведении избирателей: в 2000-х годах на популярность среди населения могут рассчитывать только последовательные «государственники», а либералы оказались в электоральном «гетто». Значительно вырос авторитет государства и его главы. Таким образом, изучение процессов социальной трансформации российского общества, процессов перехода от одного типа политической культуры к другому позволяют глубже понять особенности и мотивацию электорального поведения российских избирателей, а также предсказать в основных чертах его последующее развитие.

Степень научной работанности темы и характеристика источников. Проблема социальной стратификации начала активно разрабатываться в середине XIX века. Одна из первых стратификационных моделей, оказавших огромное влияние на ход истории, принадлежит К.Марксу, разделившему современное ему общество на эксплуататоров и эксплуатируемых (в зависимости от отношения к средствам производства). В XX веке важную роль в исследовании социальной структуры общества, выработке моделей социальной стратификации, разработке новых методологических подходов сыграли работы М.Вебера, П.Сорокина, Т.Парсонса, Э.Гидденса, П.Бурдьё, Р.Мертон³. Среди отечественных исследователей проблемы социальной стратификации российского общества отметим работы З.Т.Голенковой., Т.И.Заславской, В.В.Радаева, Н.Е.Тихоновой, М.Тарусина, О.И.Шкаратана⁴ и ряда

---

3 Бурдьё П. Социология политики. М. 1993., Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация. Вып. 1. - М., 1992., Вебер М. Основные понятия стратификации // СоцИС, 1994, № 5. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура. // Социологические исследования. 1992. № 9., Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. 2006., Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек, цивилизация, общество. М.: 1992. Сорокин П. Система социологии. М. 1993., Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory. An Analysis of the writings of Marx, Durkheim and Max Weber. Cambridge : Cambridge University Press. 1971, Giddens A. *The Class Structure of the Advanced Societies*. London : Hutchinson. 1973.

⁴ Голенкова З.Т. Трансформация и социальное неравенство // Социально-экономические проблемы трансформации российского общества. Тюмень, 1998., Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М. 2004., Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4., Заславская Т.И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга // Экономические и социальные перемены. М., 1993., Радаев В.В. Социальная стратификация, или как подходить к проблемам социального расслоения // Российский экономический журнал. 1994. № 11., Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.1995., Реальная Россия. М. 2006. (под ред.

других авторов. Исследованию электорального поведения российских избирателей посвящено множество научных и публицистических статей, книг. В частности, отметим работы М.Афанасьева, Е.Будилова, Ю.В.Гудина, Д.Шевченко и других.⁵ Обилие фактологического материала открывает широкое поле для анализа данной проблематики.

Электоральное поведение тесно связано с проблемой политического лидерства. Большой вклад в изучение феномена лидерства внесли М.Вебер (автор классической типологии лидерства), Ж.Блондель, У.Липпман⁶ и другие. Среди отечественных исследователей отметим работы В.Н.Амелина, Е.М.Егоровой, Е.Б.Шестопа⁷ и других.

Теоретико-политологический анализ электоральных процессов был бы неполным без изучения воздействия средств массовой информации на общественное мнение. Одним из первых этапов в изучении поведения и настроений больших масс людей были так называемые «теории толпы». Среди наиболее известных ученых, исследовавших массовую психологию, назовем Г.Лебона, Г.Тарда, З.Фрейда, С.Московичи⁸. С развитием средств массовой информации возникла потребность в более пристальном изучении феномена

М.Тарусина), Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М. 2007., Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // СоцИС, 1997, № 7.

⁵ Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России. // *Полис*, 1995, №3, Тавокин Е.В. Социологические прогнозы электорального поведения. // *Социс*, 1996, 7, с.15-20., Будилова Е., Гордон Л., Терехин А. Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1996, №2, Гудина Ю.В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика. // *Полис*, 2003, №1., Д.Шевченко. Поведение избирателей в России: основные подходы. // *Политическая наука. Выборы в посткоммунистических обществах*. Пробл.-темат. сб. ИНИОН РАН, 2000, №3.

⁶ Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М. 1992., Вебер М. Избранные произведения. М. 1990., Lippman W. The Public Philosophy. Transaction Publishers. 1992.

⁷ Амелин В.Н., Левчик Д.А., Устименко С.В. Воюют надписи. Имидж кандидата и способы его актуализации. М. 1995., Шестопа Е.Б. Психология политики. М. 1989., Образы российской власти: от Ельцина до Путина. // Под ред. Е.Б.Шестопа. М. 2008., Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. В 2 т. / Под ред. Егоровой-Гантман Е.М. 1993.

⁸ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. 1886., Московичи С. Век толп. М. 1996., Тард Г. Психология толп. М. 1999., Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Избр. Кн. 1. М. 1990.

коммуникации в обществе. Американский исследователь Г.Лассуэлл⁹ предложил ставшую классической структурную модель коммуникации. У.Липпман ввел одно из ключевых понятий в массовой коммуникации – понятие «стереотипа». П.Лазарсфельду¹⁰ принадлежит авторство термина «лидер общественного мнения» и двуступенчатая модель коммуникации.

Из отечественных авторов, исследовавших механизмы формирования и изменения общественного мнения, следует отметить работы Л.Г.Бызова, Д.П.Гавры, М.К.Горшкова, М.Н.Руткевича, Д.А.Потайпеко, Р.А.Сафарова.¹¹

В исследование проблематики современных СМК значительный вклад внесли работы канадского социолога М.Маклюэна¹². Но если Маклюэн мифологизировал и идеализировал роль СМК в современном мире, то такие исследователи, как Э.Фромм, М.Паренти¹³ и ряд других отмечали негативную роль СМК в формировании у людей ложных стереотипов, лишении их способности самостоятельно мыслить и т.д. Отметим также работы Дж.Блумера, Д.Грэбер, Дж.Макдональда, Д.МакКуэйла, П.Винтерхофф-Шпурка, Р.Харриса.¹⁴

Среди отечественных авторов, исследующих проблематику СМК, заслуживают внимания работы Андриюшенко Е.П., Анохиной

---

⁹ Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society/ The Process and Effects of Mass Communication. Chicago. 1971.

¹⁰ Lasarsfeld, P.F., Berelson, B., Gaudet, H. The Peoples Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y., London: Columbia univ. press, 1944 (1948, 1968)., Lasarsfeld, P.F. Public Opinion and the Classical Traditions. // Public Opinion Quarterly. 1957. V. 21. N 1.

¹¹ Бызов Л.Г. Основные идеологические течения в массовом сознании современной России. // Мониторинг общественного мнения. №4. 2006., Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.1995., Горшков М.К. Общественное мнение. М., 1988., Руткевич М.Н. Социология, власть, общественное мнение // Социально-политический журнал. 1993. № 7., Потайпеко Д. А. Правосознание как особое общественное явление. Мн. 1970., Сафаров Р.А. Общественное мнение и государственное управление. М. 1975.

¹² Маклюэн М. Понимая медиа. М. 2007.

¹³ Фромм Э. Иметь или быть? М. 1990., Parenty M. Make-Believe Media: The Politics of Entertainment. N.Y. 1992.

¹⁴ Graber D. Mass Media and American Politics. 4-th ed. CQ Press., Blumer J.G., McQuail D., Television in Politics, Its Uses and Influence. Chicago, 1969., MacDonald J.F. One Nation Under Television. New York: Panteon Books. 1990., Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Харьков. 2007., Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. М. 2001.

Н.В., Богомоловой Н.Н., Брандэс М.Э., Дмитриева А.В., Задорина И.В., Засурского Я.Н., Вартановой Е.Л., Тощенко Ж.Т.¹⁵

Для понимания специфических особенностей поведения российского электората необходимо рассматривать электоральные процессы сквозь призму российской политической культуры. Концепция политической культуры связана с именами американских исследователей Г.Алмонда и С.Вербы¹⁶. Из российских авторов отметим работы Э.Баталова, Е.И.Башкировой, Н.И. Лапина, Ю.Пивоварова.¹⁷

Однако анализ степени научной разработанности темы настоящей работы показал, что теоретические аспекты взаимосвязи между процессами социальной трансформации и изменениями электорального поведения российских избирателей пока не нашли достаточно полного отражения в научной литературе.

Объект, предмет, цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязей между изменениями электорального поведения россиян и изменениями в социальной структуре общества с учетом исторического, социокультурного и геополитического контекста. Для достижения поставленной цели потребовалось решить ряд задач:

- Изучить в динамике процессы трансформации российского общества в рассматриваемый период с точки зрения их влияния на электоральное поведение россиян;

---

¹⁵ Андрищенко Е.П., Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т. Опросы и выборы 1995 года (опыт социологического анализа). // Социс. 1996. №6., Анохина Н.В., Брандэс М.Э.. Роль СМК в избирательном процессе. // *Политическая наука. Выборы в посткоммунистических обществах*. Пробл.-темат. сб. ИНИОН РАН. М. 2000, №3., Богомолова Н. Н. Массовая коммуникация и общение. М.1988, Задорин И. В. Средства массовой информации и политические предпочтения россиян в период избирательной кампании 1999 года. // *Российские СМК в избирательных кампаниях 1999-2000 годов*. М. 2000., Дмитриев А., Тощенко Ж. Социологический опрос и политика. // *Социс*, 1994, №5. Система средств массовой информации.// Под ред. Засурского Я.Н.. М. 2001., Средства массовой информации постсоветской России. // Засурский Я.Н., Вартанова Е.Л., Засурский И.И. и др. //Под ред. Засурского Я.Н.. М. 2002.

¹⁶ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

¹⁷ Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture. Pro et Contra. Лето 2002., Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества. // Полис. 2000. №6., Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М. 2006., Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян. // *Социс*, 1996, №5.

- Описать и классифицировать теории и модели политического лидерства в России, наиболее востребованные за последние 15 лет, и их связь с электоральным поведением граждан;
- Исследовать модели политической культуры, механизмы их распространения и теоретического обоснования, характерные для периода радикальных реформ и эпохи стабилизации с учетом того влияния, которые они оказывают на электоральное поведение;
- Исследовать степень воздействия СМК на электоральное поведение россиян в разные периоды современной истории.

Объектом исследования является российское общество, рассматриваемое в историческом промежутке с 1993 по 2008 годы.

Предметом исследования является взаимосвязь и взаимовлияние трансформации социальной структуры общества и электорального поведения избирателей в России 1993-2008 гг., а также воздействие конкурирующих политических доктрин и теорий на этот процесс.

Теоретико-методологические основы исследования. Методологической основой данной работы являются структурно-функциональный и институциональный подходы. Преимущество этих подходов состоит в объективности и системности рассмотрения социальных явлений. В работе также применялись методы культурологического и сравнительного анализа, позволившие выявить различия между периодами в развитии страны в рассматриваемый отрезок времени. Автор пользовался такими методами исследования, как вторичный анализ различных источников, наблюдение, контент-анализ текстовой и визуальной политической аналитики и рекламы.

Эмпирическая база работы. Данная работа опирается на ряд социологических исследований, проводившихся в 2003-2008 гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) под руководством автора.

Научная новизна работы. Научная новизна диссертации состоит в обосновании и содержательной характеристике внутренней взаимосвязи между изменениями в социальной структуре и электоральном поведении российского общества в 1993-2008 гг. В работе:

- исследован характер влияния процессов социальной трансформации российского общества на электоральное поведение российских избирателей на протяжении рассматриваемого периода;

- показано, что синхронизация процессов социальной и политической трансформации является характерной чертой российской политической культуры;
- выявлена зависимость эффективности воздействия средств массовой коммуникации на поведенческие установки избирателей от моделей политической культуры, принимаемых на вооружение правящим классом;
- установлен циклический характер смены моделей политической культуры в российском обществе, которая тесно связана с процессами социальной трансформации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Становление новой российской государственности после распада СССР автор предлагает разделить на два основных периода: с 1993 года (после принятия новой Конституции) по 1999 год – период президентства Б.Ельцина и с 1999 года по 2008 год – период президентства В.Путина. В обоснование предлагаемой положены два главных основания. Во-первых, высокая степень персонификации власти является неотъемлемой частью российской политической культуры, а правление каждого нового лидера становится «эпохой», вызывая качественные изменения в самых различных областях общественной и политической жизни (в настоящее время наблюдается новая тенденция – поддержка и культивирование преемственной линии в рамках «командной» модели управления). Во-вторых, сама эта классификационная схема фиксирует «водораздел» в процессе социальной трансформации российского общества – переход от состояния «брожения», когда доминировали динамичные процессы, сопровождавшиеся глубокими изменениями прежней социальной структуры, к периоду стабилизации новой структуры.
2. Изменения электорального поведения на протяжении рассматриваемого периода автор предлагает рассматривать не только как отражение процессов социальной трансформации, происходивших в российском обществе, но и как катализатор и одну из движущих сил этого процесса.
3. Роль государства в социально-экономической жизни общества остается высокой, поскольку, во-первых, повышение ответственности государств – общемировой тренд, наиболее полно проявившийся в условиях глобального финансового кризиса, а во-вторых, тектонические сдвиги в

социальной структуре российского общества, происходившие в 1990-х годах, привели к воспроизводству иерархической модели общества. А это, в свою очередь, провоцирует активизацию государственных архетипов в сознании большей части российских избирателей и прямо отражается на их электоральном поведении.

4. Степень воздействия средств массовой коммуникации на выбор избирателей точному измерению не поддается в силу того, что количественные методы исследования дают весьма приблизительное представление о реальной мотивации избирателей. Однако по ряду косвенных признаков можно с высокой степенью достоверности судить о степени влияния средств массовой коммуникации на решение избирателя. В целом же СМК являются значимым электоральным фактором в нестабильной ситуации, в условиях «форс-мажора», когда привычные установки электората серьезно поколеблены. В стабильной же ситуации избиратели предпочитают, как правило, делать рациональный выбор, мало зависящий от влияния средств массовой коммуникации и построенный на традиционных установках, господствующих в данной стране и в данной социальной среде.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертации.

Проведенный в работе анализ позволяет осмыслить некоторые актуальные политические и социальные процессы, происходившие в России с 1993 по 2008 гг., и более эффективно использовать теоретический инструментарий в процессе исследования взаимовлияния политических и социальных процессов в обществе. Отдельные разработки могут быть использованы при чтении базовых и междисциплинарных курсов по политологии, политической философии, политической социологии, истории социально-политических учений, а также спецкурсов, посвященных проблемам социально-политической трансформации российского общества.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования обсуждались на нескольких международных, всероссийских и межрегиональных научных семинарах и конференциях, в том числе: на семинаре Института современного развития «Развитие российской модели демократии»¹⁸ (июль 2008 г., г.Москва), на II конференции «Эмпирические исследования

---

¹⁸ Демократия: развитие по российской модели. М., Институт современного развития, 2008.

гражданского общества»¹⁹ (сентябрь 2008 г., г.Москва), III конференции «Власть-наука-образование-бизнес» (сентябрь 2008 г., г.Тобольск), конференции Центра социально-консервативной политики «Условия многополярного мира» (октябрь 2008 г., г.Москва), III Региональном конгрессе неправительственных организаций Совета Европы (декабрь 2008 г., г.Пенза). Отдельные элементы работы изложены в 6 публикациях, в том числе статья по теме диссертации в журнале «Социальная политика и социология» (2008 г., № 3). Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих по три параграфа, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет и теоретико-методологические основания исследования, раскрывается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава **«Теоретические аспекты влияния политических реформ на модели электорального поведения россиян»** посвящена анализу механизмов взаимодействия между процессами политической трансформации и электоральным повелением избирателей. Учитывая, что становление новой российской государственности после распада СССР происходило в предельно сжатый срок и повлекло за собой глубокие перемены во всех областях общественной жизни, любая периодизация данного отрезка российской истории неизбежно будет носить схематичный характер.

В первом параграфе **«Типологизация периодов становления новой российской государственности»** обосновывается выделение двух основных этапов: 1) с 1993 года (после принятия новой Конституции) по 1999 год – период президентства Б.Ельцина и 2) с 1999 года по 2008 год – период президентства В.Путина. Проведенный а posteriori анализ тенденций, характерных для этих этапов, представляется особо важным в начале третьего периода в новейшей

---

¹⁹ Эмпирические исследования гражданского общества. Сборник материалов общественных слушаний. М., Общественная палата РФ, 2008. С.136-138.

русской истории, связанного с президентством Д.Медведева и характеризующегося поиском перспективных методологических подходов и прогностических моделей, учитывающих возможные сценарии и альтернативы средне- и долгосрочного развития. Тот факт, что основанием периодизации служит персона лидера, объясняется особенностями русской политической культуры и, в частности, высокой степенью персонификации власти и ее незавершенной институционализированностью. Процессы революционной трансформации общества и политических институтов в значительной мере усилили эту ментальную особенность.

Уникальность ситуации, в которой находился В.В. Путин в начале своего правления, заключалась в том, что он мог выбирать различные варианты совершенствования системы, сделав ставку на патерналистско-популистскую модель политического доминирования. Во втором параграфе **«Теоретические аспекты изменения электорального поведения россиян в контексте смены типов политической культуры в России периода трансформации»** делается вывод о том, что сделанный политический выбор в определенной мере был спровоцирован отчетливой тенденцией «полевения» русского электората, усилением патерналистских и государственных настроений среди большинства избирателей. Таким образом, трансформация политической системы в «путинский» период была своеобразным ответом на сформировавшийся среди большинства избирателей запрос. К концу 90-х годов социальная структура русского общества устоялась и представляла собой «пирамиду», в основании которой находилось большинство из малоимущих и бедных слоев населения. «Средний класс» был в меньшинстве, а доля богатых составляла порядка 1,5% от общей численности граждан при разрыве между самыми богатыми и самыми бедными примерно в 14 раз. Для обществ с подобной социальной структурой и разницей в доходах характерна приверженность левым идеям и патернализму. В этом отношении Россия повторяет путь ряда стран Латинской Америки.

Важную роль также сыграли русские политические архетипы, во многом предопределившие символическое оформление политики Путина. Архетип «вольницы» после бурных 90-х годов стал вытесняться державными архетипами, тем самым подтвердив присущий русской политической культуре дуализм. В рамках такого подхода русскую историю можно представить как движение «маятника» от одной крайней точки к другой – от модели авторитарного государственного устройства к анархии. К началу

президентства Путина «маятник» вновь качнулся в «державную» сторону. При этом «державность» воспринималась в ее традиционной (советской) интерпретации, поскольку исторический путь СССР рассматривался большинством населения как продолжение Российской империи. Руководство страны, по сути, воспользовалось «символическим капиталом», оставшимся от Советского Союза, для укрепления политической системы и своих позиций в ней. Движения «маятника» российской истории в ту и другую сторону образуют замкнутые циклы. Эти циклы повторяются, что делает возможным «возврат» в прошлое, повторение прежних исторических сюжетов в новой интерпретации. «Советский ренессанс», начавшийся еще при Ельцине, легитимизированный при Путине и приобретающий характер «возрождения былого величия» в плоскости внешней политики при Медведеве полностью вписывается в эту закономерность.

Одно из объяснений цикличности российской истории зачастую обнаруживают в древней славянской мифологии, поскольку «членение событий по принципу трехступенчатого ряда, в котором конечный этап плавно переходит в начальный, воплощает в себе идею вечного круговорота», в результате чего «невзгоды воспринимались как временные, а выход из бедственного положения связывался с восстановлением прежнего порядка».²⁰ Для подобного типа мышления характерно идеализированное представление о «светлом будущем», которое мыслится как возвращение «потерянного рая». Идеализация советского прошлого как великого и героического в противоположность «проклятым девяностым» активизировала этот архетип и проявилась в явлении «советского ренессанса», характерного и до настоящего времени. Таким образом, выделенные политические периоды в истории новой России являются стадиями циклического процесса, очередного «круга российской истории». Для первого периода характерны высокая степень политической конкуренции, возникновение большого количества политических партий с различными политическими платформами, ослабление президентской власти и наличие в стране нескольких властных центров. Но если в «западном понимании» конкуренция обозначает соревнование независимых акторов в рамках четко очерченного правового поля, то в России, где активизировался архетип «русской вольницы», представление о Праве чаще всего подменяется мифом о Правде и Справедливости.

---

²⁰ Андреева Л. Религия и власть в России. М. 2001. С. 17.

Подлинно правовое поле возникает тогда, когда правовые отношения «навязываются» всему обществу, что отметил еще П.Бурдьё, описывая социальное пространство как «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в этом поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям»²¹. Однако в России правовые механизмы работают избирательно, поскольку они являются лишь подсистемой более широкого поля – политического. По этой причине право зачастую выступает в качестве инструмента для подавления конкурентов, не выполняя тех функций, которые присущи праву в западном понимании. С приходом к власти В.В. Путина начался процесс унификации политического пространства России, был осуществлен переход от многопартийной системы к «крупнопартийной». Таким образом, функция осуществления Справедливости была символически возложена на государство. Тем самым произошло «переключение» с архетипа «русской вольницы» на «державный» архетип.

В «ельцинский» период, когда шел процесс образования новых социальных слоев и классов, электоральная база большинства партий была достаточно подвижной и был высок процент неопределившихся и колеблющихся избирателей. Поэтому лидеры партий делали упор на эмоциональную составляющую, а не на рациональные аргументы. Впоследствии, когда электораты основных партий уже сложились, а социальная структура общества приобрела более устойчивый характер, её изменения стали более упорядоченными и растянутыми по времени, а политические партии стали больше внимания уделять работе со своей социальной базой.

Смена модели политической культуры – от «анархической» к «державной» – привела к существенным изменениям в электоральном поведении российских избирателей. Этой проблематике посвящен третий параграф **«Характер воздействия смен типов политического лидерства на электоральное поведение россиян»**. Особое значение в этом плане имели политические реформы Путина, которые получили поддержку в обществе, поскольку опирались на «державные» российские архетипы, подкрепленные мощным социальным запросом на усиление государства. Например, реформа федеративных отношений прошла при полной поддержке большинства населения. Даже «губернаторы-тяжеловесы», которые еще недавно могли оказывать серьезное политическое давление на центральную власть,

---

²¹ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов». // Социология политики. 1993. С. 56.

были «выстроены» и встроены в жесткую иерархическую систему, когда их выборность была отменена, запрещены региональные партии и изменилась бюджетная политика в пользу усиления регулирующей роли Центра. Такая структура власти – «сильный Центр – слабые регионы» – вписывается в традиционный моноцентрический архетип российской власти и поэтому нашла поддержку в обществе. К политическим реформам также можно отнести пересмотр отношений власти и крупного бизнеса, хотя изменение правил игры не было оформлено, а так называемое «равноудаление олигархов» было осуществлено не путем реформ политической системы или законодательства, а за счет изменения неформальных «правил игры». Выведение олигархов из поля публичной политики способствовало укреплению авторитета государства и росту популярности В.Путина, а также партии «Единая Россия», которую он поддерживал. Большой политический эффект имело и переструктурирование медийного пространства. Олигархические медиа-империи либо прекратили свое существование, либо стали лояльны государству, что позволило значительно снизить удельный вес «компромата» в СМИ, критики государства и его первых лиц. Выражаясь языком П.Бурдьё, государство сосредоточило в своих руках средства производства символического капитала, стало монополистом в символическом пространстве.

Глубокие социальные изменения, произошедшие за последние двадцать лет, привели к тому, что в обществе сформировались новые социальные группы и страты со своим менталитетом, системой ценностей и т.д. Довольно заметная часть общества придерживается достаточно либеральных взглядов и не вписывается в определение народа, predisposed к сильной власти. Однако анализ современной социальной структуры российского общества показывает, что средне- и малообеспеченные слои населения являются численно преобладающими. В составе российского «среднего класса» значительно возросла доля госслужащих, что также ведет к активизации государственных архетипов среди большей части российских избирателей, подталкивает их голосовать за те партии и политиков, которые обещают дальнейшее укрепление государства и возрастание его роли в социальной защите населения.

В этой связи выявляется и влияние геополитического фактора на изменения в характере политического режима в России. Исторически так сложилось, что президентские выборы в России и в США проходят с небольшим временным лагом. Это обстоятельство оказывало и оказывает на политические процессы в России

существенное влияние, поскольку российская политическая элита, несмотря на окончание «холодной войны», продолжает соотносить свои действия с действиями США. Ориентация на США колеблется между двумя крайностями – от проамериканизма до антиамериканизма, а привязка внутренней и внешней политики России к политике США остается одним из определяющих факторов независимо от того, с каким знаком она совершается – «плюсом» или «минусом». Эта «привязка» усиливается, т.к. политический процесс в США также носит циклический характер – республиканская и демократическая администрации сменяют друг друга по прошествии 12-16 летнего цикла. Как отмечает К.Блэк, в 1992 году, после многолетнего пребывания республиканцев у власти, в обществе возник определенный перекося вправо, когда «маятник» качнулся в обратную сторону, и американцы проголосовали за демократа Клинтона.¹ Этот цикл повторился снова, когда после 12 лет пребывания у власти республиканцев в 2008 году на президентских выборах убедительно победил демократ Б.Обама.

Американские политические циклы накладываются на российские движения «маятника». Оба «маятника» движутся почти синхронно: на президентство демократа Клинтона пришелся «либеральный» ельцинский период, на президентство республиканца Буша-мл. – «державный» путинский период, что отчасти объясняется различием подходов к внешней политике у президентов от Республиканской и Демократической партий США. Например, Клинтон и его администрация считали, что главная задача Америки – поддерживать в России демократические политические реформы и переход к рынку. Доктрина демократов гласила, что если Россия станет демократической страной (в американском понимании), то автоматически будет союзницей и партнером США.

Понимая это, Ельцин сохранял все атрибуты формальной демократии (свобода СМИ, либеральное избирательное законодательство и т.д.) в расчете на кредиты и политическую поддержку Запада. С приходом к власти Дж.Буша-мл. ситуация изменилась: республиканцы не придают большого значения уровню демократии в России, их волнуют конкретные вопросы во внешней и внутренней политике. Буша интересовали не демократические декорации российского политического режима, а сотрудничество по важнейшим для американской администрации вопросам: борьба с международным терроризмом, нераспространение ядерного оружия и

---

¹ См. Black C.M. The Pursuit of the Presidency '92 and Beyond. Oryx Press. 1994.

т.д. В связи с отсутствием внешнего давления многие демократические «вольности» были упразднены и политическая система была в большей степени приближена к традиционным для России формам. Согласно этой закономерности совпадения циклов на период президентства Б.Обамы в США и Д.Медведева в России должен прийти очередной период либерализации российской политической системы, поскольку Обама даже в большей степени, чем Клинтон, делает упор на ценностное оформление политики, а не на лежащие в ее основе интересы. Мировой экономический кризис также является мощным фактором, подталкивающим к высвобождению частной инициативы в экономической сфере и активизации политического дискурса. Тем не менее, не следует ожидать возврата к временам «ельцинской вольницы», поскольку за прошедшее с тех пор время в России уже сложилась новая социально-экономическая структура, а это является сдерживающим барьером против излишней хаотизации общественных процессов в стране. Поэтому третий, «медведевский» период в развитии страны не будет калькой первого, а скорее корректировкой и органичным развитием второго периода.

Следует также отметить, что внутри отмеченных периодов новейшей российской истории тоже есть свои циклы. Президенты России на различных этапах своей деятельности прибегали к смене моделей политического лидерства. Это становится очевидным, если воспользоваться моделью Ж.Блонделя²², которая позволяет проследить взаимосвязь типов лидерства с социальной средой. Б.Ельцин начинал как лидер популистского толка («патерналист-популист» в терминологии Блонделя), затем эволюционировал в «идеолога» (в этот период он вопреки мнению большинства пошел на «шоковую терапию»), а после октябрьских событий 1993 года занял нишу «реформиста». Успешность проекта «преемник» была во многом связана с тем, что Ельцин занял позицию «лидера-пересмотрщика». Команда Ельцина, готовившая приход к власти Путина, во многом и строила пропаганду на отрицании ельцинской эпохи, подготавливая целый ряд позже реализованных политических реформ. Подобное «самоотрицание» позволило Ельцину сохранить за своим ближним кругом властные и экономические рычаги и избежать ответственности за совершенные ошибки. Начав свой путь в большой политике в качестве популярного героя, Ельцин закончил его в роли антигероя. Цикл замкнулся.

---

²² Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М. 1992. С. 56-59.

В свою очередь В.Путин также начинал свою деятельность в роли «патерналиста-популиста», но с 2001 года, когда стабилизация политической системы, в целом, была завершена, он перешел к модели лидера-«успокоителя». Для этого периода характерно стремление сохранить status quo. Однако период политического «штиля» был недолгим: начиная с «дела «ЮКОСа» Путин переходит в разряд «лидеров-пересмотрщиков». Именно с этого момента начались существенные корректировки политического режима, ставшие водоразделом между названными периодами. После ухода с поста президента Путин выступает уже в роли «пересмотрщика» им же созданной системы, разрушая созданные в годы президентства балансы и противовесы во власти и активно меняя политическую «повестку дня» от стабилизационной к мобилизационной. Таким образом, Путин также «отрицает» сам себя, создавая условия для нового этапа модернизации политической системы России. Д.А.Медведева, который стартовал с «популистских» позиций, после выступления с Посланием Федеральному собранию уже можно отнести к «лидерам-пересмотрщикам». Политическая система начинает подвергаться корректировкам, хотя «модель Медведева» за этими изменениями пока не просматривается.

Вторую главу «Проблема обусловленности электорального поведения российских избирателей процессами социальной трансформации» открывает параграф «Теоретические аспекты применимости зарубежных теорий электорального поведения в России». Автор исходит из того, что единой теории, способной объяснить мотивы поведения избирателей за весь исследуемый исторический отрезок времени, на данный момент нет, поскольку большая часть теоретических схем была предназначена для изучения уже сложившихся демократий в странах с устоявшейся социальной структурой и развитой политической культурой. Например, коммуникационная теория исходит из признания решающей роли избирательной кампании в выборе избирателей. В начале 90-х годов эта теория действительно работала, примером чему стала победа партии В.В.Жириновского на парламентских выборах в 1993 году. В тот период новая социальная структура общества, претерпевшая кардинальную ломку после «шоковой терапии», только складывалась, интересы различных слоев населения не были артикулированы, а электораты партий еще не устоялись, поэтому яркая избирательная кампания сыграла определяющую роль в выборе значительной части избирателей. Напротив, в условиях относительной социальной

стабильности доминирует рациональная модель голосования, что подтверждается многочисленными исследованиями мотивов голосования за «Единую Россию».

Роли социодемографических факторов в изменении электорального поведения россиян в период становления партийной системы в России посвящен второй параграф второй главы, в котором демонстрируется, в частности, каким образом принятие решения о голосовании связано с воздействием на избирателя комплекса факторов – социальных, психологических, коммуникационных и т.д. С одной стороны, абсолютизация одного из них может привести к ошибочным выводам, но, с другой стороны, на различных этапах развития общества и политического процесса некоторые факторы явно становятся доминирующими. Поэтому каждая из гипотез электорального поведения в одних случаях может быть плодотворной, а в других нет. Используя методологические подходы каждой из теорий, для получения адекватного результата необходимо придерживаться комплексного подхода. Это позволит получить более объемную картину мотивов политического поведения в каждой конкретной рассматриваемой ситуации и не упустить из виду важные тенденции в электоральном поведении избирателей. Процесс радикальной трансформации российского общества нашел свое отражение и в особенностях электорального поведения россиян. Определяющим фактором следует считать отношение к государству. В 90-х годах уровень доверия к власти был на критической отметке. Это провоцировало протестное голосование, абсентеизм, создавало питательную почву для оппозиции, прежде всего на левом фланге, поскольку запрос на социальную защищенность в обществе возростал, а вера в способность верховной власти обеспечить социальную защиту падала.

В третьем параграфе **«Характер изменения социальной структуры российского общества и связь этого процесса с электоральным поведением россиян»** предметом теоретического анализа становится связь между наиболее важными событиями в жизни страны и то влияние, которое они оказали на поведение избирателей. К примеру, в конце 90-х годов к потребности в социальной защите прибавилась потребность в личной безопасности, что было связано с началом боевых действий в Чечне. Запрос на усиление государства оформился и кристаллизовался окончательно, а удовлетворить его смог новый президент, который четко обозначил главный приоритет в дальнейшем развитии страны – укрепление государства. В дальнейшем авторитет и популярность Путина

продолжали расти, а вместе с ним рос и авторитет института президентства, авторитет государства. Протестные настроения стали постепенно убывать, электорат оппозиции – сжиматься. Тот факт, что либералы практически лишились электоральной базы, связан с общественным отношением к либеральному проекту образца 90-х годов, который продемонстрировал свою неприемлемость для России.

Вместе с тем руководству страны не удалось реализовать многие из первоначальных планов, связанных с ее модернизацией. Во многом это произошло потому, что большая часть избирателей относится к т.н. «патерналистскому» электорату. При изучении современной структуры российского общества видно, что наиболее многочисленной группой населения являются малообеспеченные и бедные слои. Численность «среднего класса» рассчитывается по разным методикам, но даже в том случае, когда берется усредненный вариант, «средний класс» в России пока еще не является преобладающим, что становится фактором риска в условиях глубокого имущественного расслоения. Подобная структура общества оказывает определяющее влияние на электоральные предпочтения: большинством востребован патерналистский тип лидера с характерным для такого лидера упором на сильное государство, оказывающее определяющее влияние не только на политическую, но и на экономическую сферу общества.

В третьей главе **«Средства массовой коммуникации и электоральное поведение российских избирателей»** анализируются механизмы воздействия СМК на массовое сознание и, в частности, **степень и сущность воздействия СМК на электоральное поведение различных групп избирателей** (тема первого параграфа). На этот счет существуют диаметрально противоположные точки зрения, что во многом связано с методологическими и теоретическими затруднениями, возникающими при попытке измерить степень воздействия СМК на решение избирателя. Традиционные вопросы в социологических анкетах, когда респондента спрашивают о том, повлияли на его выбор СМК или нет, не учитывают скрытого воздействия политической рекламы и пропаганды. Респондент на сознательном уровне может не отдавать отчета в том, что именно СМК оказали влияние на его выбор. Поэтому приходится учитывать косвенные признаки воздействия пропаганды на электорат. Одним из них является время принятия решения о голосовании: чем ближе к выборам избиратели принимают решение о голосовании, тем выше вероятность того, что это решение будет принято под влиянием СМК.

Анализируя степень воздействия СМК на избирателей, с одной стороны, и степень восприимчивости избирателей к политической информации, поставляемой СМК, с другой, следует учитывать контекст и, в первую очередь, *насыщенность информационного поля*. Можно обозначить две крайности – пресыщенность информацией и информационный голод. Например, в годы «перестройки», когда началась политика «гласности» и кампания по выявлению «белых пятен» советской истории, тиражи газет и журналов резко возросли. Это было связано с тем, что на протяжении десятилетий в СССР существовал феномен информационного голода или своего рода информационного дефицита. Когда количество информации резко возросло, это вызвало ажиотажный спрос среди населения.

Еще одним существенным фактором контекста является *эмоциональное состояние общества*. Когда общественное мнение взбудоражено, то аудитория становится более восприимчивой к внешним воздействиям и эффективность СМК возрастает. Значительную роль в процессе восприятия аудиторией политической информации играют ее *ценностные установки*. В переходные эпохи, сопровождающиеся ломкой ценностей, существенно возрастает внушаемость населения. В такие периоды СМК оказывают гораздо более сильное воздействие на поведение людей (в том числе политическое), чем в стабильные эпохи. Учет факторов контекста особенно важен при прогнозировании воздействия политической кампании в СМК на избирателей на этапе планирования. Здесь кроме количественных методов следует применять опросы экспертов, фокус-групповые исследования, контент-анализ текстов и т.д.

Во втором параграфе «Типологизация периодов развития российских СМИ: смена парадигмы влияния на общественное мнение» отмечается, что в исследуемые два политических периода модели взаимоотношений государства и СМК значительно различались. В ельцинскую эпоху господствовала *либертарианская* модель журналистики, а для путинской эпохи более характерна модель *социально-ответственной* журналистики. Д.Гребер считает, что эти два типа контроля СМК характерны для неавторитарных обществ²³. По ее мнению, журналисты, исповедующие либертарианскую философию, «чувствуют себя свободными сообщать все, что считают нужным до тех пор, пока вкусы публики не будут удовлетворены. Напротив, когда превалирует философия социальной ответственности, журналисты исходят из соображений общественного

---

²³ Graber D. Mass Media and American Politics. 4-th ed. CQ Press. P. 20.

блага, побуждая аудиторию СМК к социально ответственному поведению»²⁴. Серьезную роль в дискредитации либертарианской модели в России сыграло отсутствие демократической политической культуры и в самом обществе, и у представителей элиты, в частности, в среде политиков и журналистов. В западных демократиях «свобода слова» имеет нормативные и правовые ограничители, т.е. вписана в сложную систему «либеральных ценностей» западного мира и юридически кодифицирована – судебные иски о защите чести и достоинства граждан, иски о клевете в СМИ и т.д. зачастую обращаются для издателей солидными штрафами, что дисциплинирует издания.

В России 90-х годов не было ценностных ограничителей, поскольку страна переживала очередной ценностный кризис, судебная система и законодательная база деятельности СМИ также не отвечали современным требованиям. Поэтому у российских журналистов не было никаких нормативных ограничений, которые удерживали бы их от совершения тех или иных шагов. Негласная политическая доктрина, которой руководствовались журналисты в 90-ые годы, может быть условно сведена к формуле: «государство – абсолютное зло». Подобная идеология устраивала владельцев СМК – олигархов, сделавших свои состояния благодаря ослаблению роли государства в экономике и в политической жизни общества. Будучи одним из основных производителей «символического капитала», российские СМК идеологически обслуживали интересы олигархов. С приходом к власти Путина место СМК в обществе и в политическом пространстве, их социальная роль изменились. Эпоха либеральной журналистики сменилась эпохой социально-ответственной журналистики. Государству различными путями удалось установить контроль над основными СМК, тем самым монополизировав производство «символического капитала» в своих руках.

В заключительном параграфе **«Характер влияния политической рекламы, публик рилейшнз и пропаганды на электоральный выбор российских избирателей»** исследуются механизмы смены модели журналистики, которые наиболее заметно отразилась на освещении средствами массовой информации деятельности власти. В 90-х годах, в рамках либертарианской модели, российские журналисты считали себя «сторожевыми псами демократии», полагая своим долгом критиковать власть по любому поводу. Критицизм по отношению к власти был неотъемлемой чертой

---

²⁴ Там же, р. 21.

СМК 90-х годов. Но такой подход противоречил традициям российской политической культуры, в которой высшая власть имеет сакральные основы. Жесткий критицизм СМК рушил эти основы, лишал власть сакральности, а значит и легитимности. Поэтому либертарианская модель журналистики подрывала авторитет не только отдельных политиков и чиновников, но и государства в целом.

Отказ от либертарианской модели журналистики позволил улучшить информационный фон в стране от катастрофически-нигилистического в сторону более спокойного и позитивного. Благодаря популярности президента Путина, упорядочению политической и экономической систем страны в результате реформ, росту экономики, большей социальной ориентированности правительства постепенно стал возрастать престиж власти и ее представителей в обществе. Самым авторитетным представителем власти является В.Путин. И во многом это связано с тем, что он вернул российской власти ее сакральные основы, тем самым возродив российскую государственность.

Перемены в информационном пространстве имели важное значение для смены общего политического контекста в стране, для перехода от модели либеральной политической культуры к моделям, характерным для «державной» российской политической традиции. Это отразилось и на характере избирательных кампаний (как президентских, так и думских), и на электоральных процессах. Общая смена культурной модели возродила «государственнические» стереотипы политического поведения россиян, вытеснив «анархические» модели поведения, порожденные реформами 90-х годов.

В Заключение формулируются основные выводы диссертационной работы, намечаются направление и задачи дальнейшего исследования темы.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК:

В.В.Федоров. Теоретические основы изучения электорального поведения россиян в период формирования новой российской

государственности (1993-2008 гг.) // Социальная политика и социология, 2008 г., № 3.

Другие публикации:

1. *Федоров В. и др.* Механизмы власти. М., 2002. 19 п.л., в т.ч. В.Федоров – 3,5 п.л.
2. *Федоров В., Цуладзе А.* Эпоха Путина. М. 2003. 24 п.л., в т.ч. В.Федоров – 16 п.л.
3. *Федоров В. и др.* Россия на перепутье второго срока: как мы думали в 2004 году. М., 2005. 18 п.л., в т.ч. В.Федоров – 2 п.л.
4. *Федоров В. и др.* Политический словарь нашего времени. М., 2006. 26 п.л., в т.ч. В.Федоров – 3 п.л.
5. *Федоров В. и др.* Путеводитель по выборам: политическая Россия-2007. М., 2007. 28 п.л., в т.ч. В.Федоров – 4 ,5 п.л.
6. *Федоров В. и др.* От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М., 2007. 14 п.л., в т.ч. В.Федоров – 4 п.л.

Отпечатано в копицентре « С Т П Р И Н Т »
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
www.stprint.ru e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 939-33-38
Тираж 100 экз. Подписано в печать 14.02.2009 г.